

Дон Кихот из танцующего поселка

ЭНТУЗИАСТЫ

В парадном вестибюле Дома культуры в Петровске на самом ходу обвалился потолок. Дыру еще и заделать не успели. Заплата будет величиной с раскрытый зонтик. ЧП случилось ночью, а то оно таких бед могло бы здесь натворить. Дом культуры на лето в отпуск не ушел, его основная публика – дети, двери хлопают с утра до вечера. Неутомимая «Константа» репетирует. По области идут праздники городов и сел, и губернаторский ансамбль бального танца, как всегда, нарасхват: украсит любую концертную программу.

ПРИТЧА О ХУДЫХ ПОТОЛКАХ

Но мы пока что не о праздниках. Мы о суровых буднях. За пару последних лет в Петровском ДК, где ремонта не было лет пятнадцать, те злосчастные потолки грозили бедой не единожды. Сыпались то в костюмерной, то в туалете. Только по счастливой случайности никто не пострадал.

– Нам просто везет, – говорит, показывая ту самую костюмерную, руководитель ансамбля Константин Салтыков (на верхнем снимке в центре).

Комнатуха примерно семь на семь – сразу и костюмерная, и что-то вроде кают-компании. Подвал, на стенах грибок. Кирпичный пол метра на два ниже уровня земли. В паводок воду отсюда вычерпывают ведрами. Буквально на пятак развешаны, разложены по столам триста костюмов, примерно на десять миллионов рублей, не считая того, что оставлено на переделку. Хранить свой богатейший гардероб ансамблю больше негде.

Где все же чувствуешь, что мы не в какой-то зачуханной подсобке, а в учреждении культуры, так это в танцевальных залах. Их два. В первом полы из ламинированного паркета, бесклевого, на защелках; остатки прежней роскоши – роспись во весь торец, под потолком покрытые серебрянкой желенные люстры. Ввернуть лампочки взамен перегоревших невозможно: нет в Доме культуры стремянки такой высоты.

Через стенку в репетиционной, переделанной из кинозала, пол простой, не паркетный. Зато с недавних пор имеется большое балетное зеркало. Восемь пар старшей группы ансамбля в репетиционной умещаются, хоть и с трудом. Нет здесь того простора, чтобы пары в танце «летели», не опасаясь задеть друг друга локтями, или, не приведя, господи, врезаться со всего маху в зеркало.

Нескончаемый сериал с обустройством танцзала – то невидимые миру слезы. Сперва вальсировали на крашеной деревоплите. Прочная, но пылит, сколько ее ни поливай.

– За день, бывало, так надышишься, – вспоминает наш гид и собеседник, – что, простите за откровенный натурализм, к вечеру носовой платок весь черный.

Лет двадцать тянулась «эпоха деревоплиты». И все это время Салтыков, где только можно, ставил вопрос о паркете для его ансамбля. И ведь раздобыл-таки! Достались им, правда, какие-то отходы. Привезли, свалили кучей. Паркет был разных артикулов. Ползая по залу на четвереньках, Салтыков целый месяц выкладывал пол по досочке, тремя слоями лака покрыл. Был всем праздникам праздник – открытие нового пола.

Тот третьесортный паркет служил им не меньше десятилетия. Пока не погиб в одночасье, когда однажды потолки угрожающе потекли сразу в нескольких местах и паркет уже было не спасти.

ЭЛИТНЫЙ ЖАНР

Показать ребятам, что такое настоящая бальная танец, некогда рожденный на паркете парадных дворцовых залов, – тут был для Салтыкова не просто спортивный интерес. Как раз салонной слащавости и всяческо-го жеманства он, уроженец сельской глубинки, с детства на дух не принимает. То ли дело, говорит, разверну-

тые плечи, вольная выступка, широкая улыбка, русская удаля.

Уж постарался Константин Константинович, чтобы тот, кто захочет понастоящему вникнуть в эти паркетные страсти-мордасти, получше уразумел, в чем соль. Они – от дошедших сегодня до критической отметки застарелых его болей и обид. Когда возил своих старших ребят на конкурсы и фестивали, сам видел: наши жмутся по углам, лица потупленные, глаза невидящие – насмотрятся шикарных туалетов, куража уверенных в себе лидеров из столиц и больших городов.

«Вперед, ребята, вы не хуже», – подбадривала группа поддержки. Но Салтыков-то знал, в чем наши хуже. И костюмы у них попроще, и туфли потертые, и лак для волос подешевле. А тот мандраж – не от простой зависти к городским денди. Гнетет селян что-то вроде стыдной неловкости за собственную ущербность.

Руководителя «Константы» тот ребячий стыд заводит куда сильнее любых амбиций. Когда-то он дал себе простой зарок: не пожалеть сил, чтобы избавить своих танцоров от чувства собственной неполноценности – единственный в России сельский ансамбль бального танца.

Слово, самому себе данное, вот уж и впрямь оказалось постоянной величиной. За тридцать лет «Константа», наверное, побил не один рекорд Книги Гиннеса. На счету ансамбля сорок поставленных Салтыковым программ, 1200 концертов, 5000 выходов на сцену, 104 лауреатских звания. У его танцоров есть поклонники в Италии и Югославии, в Болгарии и Арабских Эмиратах. Они выступали в Кремлевском Дворце съездов и в лучших залах Санкт-Петербурга, в стенах Чудова монастыря и в старейшем русском театре – ярославском Волковском.

А вот на конкурсные ристалища пары из «Константы» теперь не ездят. И не потому, что робость одолела. Да и спонсоры, наверное, не отказали бы. Там звездные распри, закулисные деньги в конвертах, и Салтыков старается своих от этой пагубы поелику возможно уберечь. Пока же он неукомительно требует от старших точно того, что оценивают конкурсные жюри – безукоризненного попадания в ритм, техничности, чистоты стиля.

Про то, что серьезные занятия бальными танцами требуют как минимум городских условий, руководитель «Константы» при случае может прочесть целую лекцию. По его сведениям, в Москве тренер берет по 10 долларов за час. Туфли фирмы «Эсти» стоят накрутку 2500 рублей, и если танцевать в них, как «Константа», и на бетоне, и на асфальте, и на досках, то долго та модельная обувь при всем желании без ремонта не носится.

А нужны еще и костюмы. При том, что в поселке Петровск с его пятью тысячами жителей не только никаких-таких ателье мод не имеется, но и какой бы то ни было промышленности, а также водопровода и канализации. Худо-бедно служит петровчанам бывшая железнодорожная водоканка. Стоки из выгребных ям на огородах беспрепятственно текут в Печегду и Сару.

Гонораров за концерты ансамбль Салтыкова ни при какой погоде не берет, даже если очень предлагают. Помощь меценатов – да, принимают – все идет на пошив костюмов. Есть родительский фонд, заначка на поездки к морю отдыхать. Сколько кто вкладывает, от благосостояния родителей зависит не напрямую, хотя неполные семьи, конечно, имеют льготы вплоть до освобождения от взносов.

Салтыков предложил один эксперимент, с ним потом все согласились, но об этом чуть позже.

Вообще-то в «Константу» приходят по желанию. Салтыков дает попробовать каждому. И любит повто-

рять: пусть вы чуть хуже танцуете, но будьте вы людьми. Как-то мальчишки после репетиции играли в снежки. Попав под перекрестный огонь, семилетний Сережа М. побежал через дорогу и попал под КамАЗ.

Поднял на ноги всю муниципальную медицину и жизнь ему спасли. В ансамбле был общий сбор, с крупным разговором о том, как бывает, если не все за одного, а все на одного...

А эксперимент такой: действует десятибалльная шкала оценок: чем лучше занимаешься, тем меньше твои родители вкладывают в фонд. Голь на выдумку хитра, как у Пушкина.

ПОБЕДА БЕЗ РАДОСТИ

Четверть века обходился ансамбль без названия. Потом сами ребята захотели: «А давайте как-нибудь обзовемся». Из шляпы тянули бумажки. В финале выбирали из трех вари-

антов – «Триумф», «Грация» или «Константа». Последний победил с абсолютным преимуществом. Правда, руководитель со свойственной ему непосредственностью чертыхнулся и запротестовал. Усмотрел в таком названии некий умысел – не от слова ли «Константин»? Мол, вы мне этот культ личности бросьте.

Тогда и подняла руку его ученица, а ныне штатный балетмейстер ансамбля Надежда Студенец:

– А при чем тут, собственно, вы, Константин Константинович. Сие название означает «постоянная величина». Ансамбль уже четверть века живет-здоровствует, тогда как от большинства его коллег-сверстников, простите, одно мокрое место осталось. А в том, что название совпадает с вашим именем, тоже ведь, согласитесь, ничего плохого нет.

Смягчился-таки Константин Константинович. Но уж в кабинетах и канцеляриях полпред ансамбля тверд как кремль. Говорит там, где просители

обычно помалкивают. Автору этих строк и самому приходилось слышать, как должностные лица, переходя на личности, искоса поглядывали в его сторону – мол, что ему, больше всех нужно, что ли?

– Человек он глубоко порядочный, – подхватывала тему директор Дома культуры. – А резок бывает потому, что, вот именно, «много хочет».

Как-то Салтыков и сам не выдержал, когда в стенах ярославского «Белого дома» ему в лицо попеняли: мол, поумерили бы ваши прихоти. Нашел уместным жестко возразить: у нас-де не прихоти, а каждодневные трудности, говорим о них напрямую исключительно в расчете на вашу заботу.

С этим, как говаривал Аркадий Райкин от имени одного снабженца в тубетейке, смешно приволакивая язык, и сегодня – «дифсит» – дефицит, стало быть. Иначе бы разве накопилось у «Константы» столько вопросов после невыполненных посулов и окромя сцены – стипендии старшей группе или, к примеру, попечительский совет. Обещали: сделаем. Забыли?..

По весне восторженно напутствовали «Константу» на «Бал Победы» в Новороссийск. А профинансировали поездку от силы на три четверти. Костюмы для новой программы «Офицеры» на музыку Олега Газманова собирали по воинским частям – спасибо армии, выручила. 20 тыс. рублей на соларку для их автобуса нашел по собственной доброй воле директор ростовского хозяйства «Красный маяк» Александр Чекин.

Невыполненные обещания Салтыков называет «игрой без правил». Мрачно шутит в том смысле, что давно уж не балетмейстер, а «завхоз, выбивала». Подыгрывать устает, и успех бывает не в радость – на том, увы, он поймал себя после новороссийско-

го «Бала Победы». Еще хуже, что у старших гаснут глаза. Видят же, как в одиночку донкихотствует, сражаясь с ветряными мельницами, их любимый Константин Константинович.

Сейчас уходит вся старшая группа, восемь пар. За счастьем отправятся кто куда – в Москву, Ярославль, Ростов Великий. Уговаривать остальных Салтыков никого не будет. Они тоже ушли от игры без правил.

Чем душа успокоится? Спросили мы Дон Кихота из Петровска и об этом. Он взглянул куда-то в дальний угол репетиционного зала, где мы стояли. И просто мастерски ушел от прямого ответа:

– Вот то, ради чего и стоит жить. В сторонке, смотрим, маясь от безделья, все норовит (в свои-то неполных три года!) изобразить нечто танцевальное Максим, сын балетмейстера Надежды Студенец. Падает, сам встает. И снова принимается за свой пируэт.

ПРОГУЛКА ПО ВОЗДУШНЫМ ЗАМКАМ

Юлиан НАДЕЖДИН.